

«Отличался отменным мужеством»

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

12.07.2012 Анатолий БЕРЕЗНЕВ

// Культура и искусство

В 2014 году будет отмечаться 200-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Для Липецкого края это особая дата, ибо здесь жил и был похоронен отец гения российской литературы Юрий Петрович, здесь бывал и сам поэт. В преддверии юбилея мы открываем специальную рубрику, в которой будут печататься материалы, так или иначе связанные с именем Михаила Лермонтова и его родословной. А начало этому уже было положено публикацией в журнале (№ 4 за 2011 г. и № 1 за 2012 г.) беллетризованного повествования Анатолия Коновалова «Жертва жребия земного», посвященного отцу поэта. Сегодняшняя статья рассказывает о военной биографии М.Ю. Лермонтова.

В нашей стране Михаил Юрьевич Лермонтов почитается как поэтический гений. Вольно или невольно Лермонтов-поэт давно затмил другого Лермонтова: человека, гражданина, воина. Это вполне объяснимо, но правильно ли? В данной публикации предпринята попытка обобщить наши знания о нём как защитнике Отечества, обратить внимание на некоторые вехи его становления как офицера, воина.

Истоки внутренней необходимости служения Отечеству на военном поприще следует искать в общей традиции дворянства того времени, не мыслившей себя без этого. Однако мы погрешим против истины, если станем утверждать, что юный поэт стремился на военную службу с большой охотой. Этого не было. Тем не менее, в ноябре 1832 года Лермонтов был зачислен в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров кавалерии на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка. В школе у него, по собственному признанию, «прошли два страшных года».

Начало учёбы оказалось сопряжено с большими неприятностями: 26 ноября в манеже лошадь до кости разбила Михаилу ногу ниже колена, и он до середины апреля 1833 года был вынужден лечиться. После этого вернулся к учебе, и, несмотря на большой пропуск, экзамен в высший класс успешно выдержал. Следующей ступенью стало производство Лермонтова в офицеры: 22 ноября 1834 года, согласно Высочайшему указу, он произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Службу поэт первоначально проходил в Петергофе.

Резко обличительное стихотворение «Смерть поэта», написанное на гибель Пушкина и стремительно ставшее популярным, не могло пройти для Лермонтова бесследно. Знал ли он о возможных последствиях? Можно утверждать, что несомненно знал. Надо иметь не только большой талант, но и большое мужество, чтобы на всю страну заявить всем, кто стоял за убийцей Пушкина: «Свободы, гения и славы палачи!» Более того, когда началось следствие, Лермонтов не стал отрицать своего авторства. «Отрекаться... я не мог: правда всегда была моей святыней», – писал он по этому поводу. Так что «поэт, невольник чести» не только его кумир, его знамя – А.С. Пушкин, но и он сам.

18 февраля 1837 года последовал арест с содержанием в одной из комнат Главного штаба в Санкт-Петербурге. Через пять дней заведено дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарём Раевским». В результате рассмотрения дела было решено перевести Лермонтова «тем же чином в Нижегородский драгунский полк», который в то время находился на Кавказе. Исследователь его жизни и творчества А.В. Дружинин так писал об этом: «Немилость и изгнание, последовавшие за первым подвигом поэта, Лермонтов, едва вышедший из детства, вынес так, как переносятся житейские невзгоды людьми железного характера, предназначенными на борьбу и владычество». 19 марта он отправился на Кавказ. В Москве пробыл несколько дней, а затем двинулся через Тулу, Елец, Задонск в Ставрополь. В мае 1837 года Лермонтов простудился, поправлял здоровье в Ставропольском военном госпитале, а потом был переведён в Пятигорск «для лечения минеральными водами».

Толком послужить на Кавказе в этот раз Лермонтову не пришлось: вскоре был подписан приказ по кавалерии о переводе корнета в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, который дислоцировался в Новгородской губернии. По прибытии М.Ю. Лермонтов получил приказ быть в 4-м эскадроне и поселился в общежитии для холостых офицеров.

Всё это время его бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева не прекращала усилий для перевода внука в столицу, где у того было бы больше возможностей для занятий литературой. Её бурная деятельность дала свои плоды: А.Х. Бенкендорф сделал представление военному министру А.И. Чернышёву о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гусарский полк. 9 апреля 1838 года по Высочайшему повелению он переведён туда и спустя месяц прибыл в полк в Царское Село.

Боевой учёбы было мало. Дежурства и строевая подготовка утомляли. Муштра Лермонтову была противна. И не только ему. «Золотая молодёжь», как могла, развлекалась. 22 августа Михаил Юрьевич появился на параде со слишком короткой саблей. Великий князь Михаил Павлович посчитал это гусарской шалостью и посадил его на гауптвахту.

«Пресная» жизнь, отдушина только в творчестве. Спокойное течение службы прервалось 16 февраля 1840 года. На балу у графини Лаваль произошла ссора Лермонтова с заносчивым

АВТОРИЗАЦИЯ

ЛОГИН

Регистрация | Забл

молодым человеком. Тот оказался сыном французского посла Э. де Барантом, который вызвал поэта на дуэль.

Поединки тогда не были чем-то из ряда вон выходящим. Но за человеком, посягнувшим в своё время на «верхи», назвавшем палачей палачами, велось пристальное наблюдение. И хотя формально гроза над его головой вроде бы прошла, власть предержащие только ждали случая. 18 февраля на Парголовой дороге за Чёрной речкой состоялась дуэль. Дрались на саблях. Лермонтов получил царапину ниже локтя, и инцидент можно бы было считать исчерпанным. Но не тут-то было.

20 февраля Лермонтова вызвал к себе командир лейб-гвардии Гусарского полка Н.Ф. Плаутин и потребовал объяснений о причинах и обстоятельствах поединка с де Барантом. Далее последовали доклады об этом «чрезвычайном» происшествии по команде. Результатом стало то, что 10 марта 1840 года возбуждено «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса... о поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтове, преданном военному суду за произведённую им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в своё время начальству». Поэт опять оказался под арестом.

Перед арестом он говорил друзьям, что «если переведут в армию, буду проситься на Кавказ». 16 марта 1840 года комиссия военного суда допрашивала Лермонтова. 5 апреля производство по делу было закончено. На приговоре военно-судной комиссии рукой великого князя Михаила Павловича начертано: «Сверх содержания его под арестом с 10 числа прошедшего месяца, выдержать еще под оным в крепости, в каземате три месяца и потом выписать в один из армейских полков тем же чином».

Странно, но Николай I не поддержал своего родственника. На докладе по делу Лермонтова он написал: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Этим и ограничилось наказание.

В Ставрополь он прибыл в начале июня, о чём доложил в штаб-квартире командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанта П.Х. Граббе. 18 июня он выехал в действующий отряд в Чечню «брат пророка Шамиля». В приказе говорилось, что Лермонтов «командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции, в отряд под начальством генерал-лейтенанта Галафеева».

С этого момента, собственно, и начинаются самые яркие страницы деятельности Лермонтова-воина. 6 июля 1840 года получен приказ готовиться к походу. Через два дня отряд А.В. Галафеева выступил из лагеря при крепости Грозной, переправился через реку Сунжу и перешел ущелье Хан-Кала. Вперед продвигались с боями, однажды дошло до штыковой атаки. Вместе со своими воинами храбро дрался и поручик Лермонтов.

Но самые тяжёлые бои были впереди. 11 июля у реки Валерик состоялось кровопролитное сражение. Потери с обеих сторон были большими. Но горцам не удалось устоять против регулярных хорошо обученных русских войск.

Образно и исторически верно рисует Лермонтов картины боя в поэме «Валерик»:

Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло.— Вон кинжалы,
В приклады!— и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили...

Генерал Галафеев написал представление к награждению Михаила Юрьевича орденом св. Станислава III степени за эти бои. В нем он отмечал: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об успехах оной, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

С 12 по 15 июля происходили ежедневные боевые столкновения и активные перестрелки при возвращении отряда в крепость Грозную. Горцы не могли смириться с большими потерями и нападали на колонны русских войск. Тяжелые бои были у деревни Ачхой, при переправе через реки Натахи и Сунжа. В ходе этих боёв Михаил Юрьевич был в гуще сражающихся, дрался в рукопашной схватке и докладывал командиру отряда о результатах боя.

Всего два дня отдыхали воины, и 17 июля отряд А.В. Галафеева опять выступил за крепостные стены Грозной. На этот раз ему предстояло совершить поход в Северный Дагестан. Опять кровопролитные бои и изматывающие переходы. Не было дня, чтобы горцы не нападали. 2 августа войска двинулись к крепости Грозной через Меатлинскую переправу. Мелкие отряды

горцев, ведя партизанские действия, в открытый бой уже не вступали.

После этого отряд длительное время находился в крепости на отдыхе. Полки ждали пополнения, командиры и старые солдаты учили новобранцев. Офицеры в свободное время играли в карты, пили вино, вели праздную жизнь, какую только можно вести в крепости. Лишь 26 сентября отряд во главе с генералом А.В. Галафеевым вышел в новый поход. Лермонтов находился в кавалерии, в передовом отряде.

10 октября 1840 года в бою был ранен его друг Р. Дорохов. Командование его подразделением принял Лермонтов. «Летучая сотня» казаков находилась в самых опасных местах, а Михаил Юрьевич «в делах октября 12 и 15 числа» отличился мужеством. Крупный бой произошёл за Шалинским лесом и при переправе через реку Аргун. Отряд в общей сложности пробыл в боевой экспедиции почти двадцать дней. 25 октября воины прибыли в крепость Грозную. Отсюда Лермонтов пишет письмо А.А. Лопухиной, в котором упоминает, что в походе получил от Дорохова команду «охотников», то есть добровольцев.

С 27 октября по 6 ноября отряд Галафеева вновь участвовал в «делах». В боях у аула Аллы, в Гольтийском лесу и у реки Валерик, которые происходили 27–30 октября, Лермонтов показал себя опытным и хладнокровным командиром, которого отличали смелость и распорядительность в боевой обстановке. При разборе итогов похода он и в этот раз был отмечен генералом.

С 9 по 20 ноября отряд Галафеева находился в Малой Чечне. И вновь не было дня без боестолкновений. В походе Михаил Юрьевич состоял при начальнике отряда офицером для поручений. Приказания командирам частей он доставлял быстро, несмотря на ураганный огонь противника. 9 декабря 1840 года генерал-лейтенант Галафеев пишет рапорт с просьбой о награждении отличившихся в боях воинов. В списке есть и поручик Лермонтов. Его генерал дополнительно просит «перевести в гвардию тем же чином с отданием старшинства».

24 декабря 1840 года командующий кавалерией отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, полковник князь В.С. Голицын направил рапорт командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту П.Х. Граббе, в котором представлял Лермонтова к награждению почётным золотым оружием – саблей с надписью «За храбрость». Его ходатайство поддержано, и документы ушли с почтой в столицу.

31 декабря 1840 года подписан приказ о зачислении поручика Лермонтова в Тенгинский пехотный полк, штаб которого находился в станице Ивановской. Одновременно в штаб генерала Граббе пришло Высочайшее разрешение предоставить Лермонтову двухмесячный отпуск в Санкт-Петербург. 14 января 1841 года поэт уехал в отпуск. Путь его лежал через Новочеркасск, Воронеж, Задонск, Елец, Тулу, Москву. В Воронеже он остановился в гостинице, а 30 января был уже в Москве.

В феврале поэту становится известно, что его вычеркнули из списка награждённых за бои у реки Валерик. Об этом он сообщает в письме к А.И. Бибикову. Вычеркнули его и из числа представленных к награде за бои в Малой Чечне. О причинах подобной несправедливости нетрудно догадаться...

11 марта 1841 года А.А. Краевский пишет М.Н. Каткову о пребывании поэта в Санкт-Петербурге, о заказанном им портрете, который «вышел похож». Краевский увидел Лермонтова поздоровевшим, несмотря на то, что тот «целый год провёл в драках и поэтому писал мало, но замыслил очень много». Но этим замыслом не суждено было сбыться. 11 апреля дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и вручил ему предписание в 48 часов покинуть столицу и отправиться в Тенгинский пехотный полк. Тон предписания и надменное поведение генерала взбесили поэта, но он сдержался.

14 апреля многочисленные друзья провожали его на Кавказ. 9 мая 1841 года Лермонтов прикомандировывается к полку для участия в боевой экспедиции, как он писал, «на левом фланге Кавказа... Пожелайте мне счастья и лёгкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать...» После похода Лермонтов вместе с еще одним офицером пишут рапорта с просьбой предоставить отпуск для лечения минеральными водами и вскоре уезжают в Пятигорск. Именно здесь 15 июля состоялась дуэль Лермонтова с Мартыновым, на которой поэт был убит. Комиссия военного суда в Пятигорске 30 сентября огласила приговор в отношении Н.С. Мартынова, М.П. Глебова и А.М. Васильчикова «за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым (на оной ныне убитого)» к лишению «чина и прав состояния». 3 января 1842 года по данному решению последовала Высочайшая конфирмация: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца, предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжёлой раны».

Лермонтов-воин оказал большое влияние на Лермонтова-поэта. Ведь «Бородино» мог написать только человек, сам не раз побывавший в рукопашной схватке. Это произведение так и останется непревзойдённым гимном народному подвигу в Отечественной войне 1812 года. Лермонтов не отделяет себя от богатырей той войны.

Воин виден и на многих портретах Лермонтова. Их авторы Ф.О. Будкин, П.Е. Заболотский, А.И. Клюндер, К.А. Горбунов, Д.П. Пален стремились подчеркнуть не только мощь его интеллекта, поэтического таланта, но и мужество офицера. То же можно сказать и об автопортрете на фоне Кавказских гор в бурке и с кинжалом на поясе. Лермонтов оставил много картин, акварелей, рисунков, на которых запечатлены военные сцены, портреты боевых товарищей. Подтрунивая над собой и своей внешностью, поэт как-то сказал, что судьба, будто бы на смех, послала ему общую армейскую наружность. Но если отбросить юмор, то в его облике сквозит и

воля, и мужество, и самообладание в бою – все то, что присуще настоящему защитнику Отечества.

Комментарии

Всего комментариев: 0